

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2026.39.41.005

Культурные детерминанты музыкальных предпочтений современной российской молодежи в условиях глобализации¹

Юранев Владимир Дмитриевич

Аспирант,
кафедра философии и культурологии,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: vova.yuranev@mail.ru

Аннотация

Статья исследует культурные детерминанты музыкальных предпочтений российской молодежи (18–25 лет) в условиях глобализации. На основе опроса (N=248) и интервью анализируется роль языка, семейной социализации, образования и практик этнической музыкально-фольклорной репрезентации в структурировании музыкального выбора. Установлено, что 58,1% респондентов воспринимают музыку на родном языке как эмоционально более близкую (механизм нативизации смысла); семейный опыт знакомства с национальной традицией повышает интерес к отечественной музыке с 29,4% до 61,2%; 63,7% положительно относятся к включению этнических элементов в современные жанры. При этом 64,5% слушают и зарубежную, и отечественную музыку, что свидетельствует о гибридной модели потребления. Вывод статьи: культурными детерминантами, определяющими музыкальные предпочтения современной молодежи, выступают механизмы семплирования, языковой близости и семейного габитуса (укорененных в культуре паттернов восприятия). Глобализация ведет не к вытеснению традиции, а к ее пересборке в актуальных музыкальных форматах.

Для цитирования в научных исследованиях

Юранев В.Д. Культурные детерминанты музыкальных предпочтений современной российской молодежи в условиях глобализации // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 6А. С. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2026.39.41.005

Ключевые слова

Культурные детерминанты, музыкальные предпочтения, российская молодежь, глобализация, национальная культура, трансформация традиции, культурная память.

¹ В статье упомянуты иностранные владельцы ресурсов, нарушающие закон РФ, а также имеющие экстремистскую направленность и запрещенные в РФ

Введение

Сегодня российская молодежь живет в среде, где глобальные стриминговые сервисы – такие как Spotify, Apple Music, YouTube Music и VK Музыка – предлагают мгновенный доступ к миллиардам треков со всего мира, алгоритмы которых активно формируют и стандартизируют музыкальные вкусы, продвигая универсальные жанры (поп, хип-хоп, EDM, латино, К-поп). Это создает эффект «глобальной музыкальной деревни», где культурные различия нивелируются, а молодой слушатель все чаще потребляет англоязычный контент или адаптированные западные форматы, что потенциально ведет к размыванию национальной культурной идентичности [Третьяков, Ефтеев, 2022]. Однако параллельно с этим, особенно в последние годы, наблюдается обратная тенденция: рост запроса на «свое», аутентичное. Молодежь все чаще обращается к русскоязычной музыке – не только к эстраде, но и к фолку, этническим мотивам, региональным сценам (например, якутской, татарской, дагестанской), а также к современным интерпретациям советского наследия и постфольклору. Это проявляется в популярности таких артистов, как, например, Shortparis или IC3PEAK, а также в волне интереса к переосмысленным народным песням, казачьему фольклору и музыке коренных народов России. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью понять, как в цифровую эпоху глобализации не просто сохраняется, но и трансформируется интерес к национальной культуре [Назаренко, 2025]. Кроме того, изучение этого вопроса важно для культурной политики, медиа и образования: от понимания реальных предпочтений молодежи зависит, как эффективно развивать национальную музыкальную индустрию и формировать сбалансированный культурный иммунитет, позволяющий молодому человеку быть открытым миру, но при этом не терять связи с собственными корнями [Христидис, Шахназарян, 2024]. В конечном счете, данная тема лежит в эпицентре более широкого дискурса о поиске российской идентичности в условиях культурной глобализации [Горшкова В.В., Мельникова, 2018], цифровизации и геополитических изменений, что делает её не просто научно значимой, но и социально острой.

Основная часть

Объектом исследования выступают музыкальные предпочтения молодежи как социокультурный феномен.

Предмет исследования: культурные детерминанты формирования музыкальных предпочтений молодежи.

Цель исследования заключалась в определении основных факторов культуры, влияющих на музыкальный выбор молодежи.

В качестве методов эмпирического исследования использовались анкетный опрос, интервью и сравнительный анализ. Эмпирическая база исследования включала результаты опроса 248 респондентов в возрасте от 18 до 25.

Рассмотрим основные полученные результаты. Существенные показатели были получены в отношении влияния *семейной культурной социализации*. На вопрос о наличии в семье практик знакомства с национальной музыкальной традицией 46,8% ответили утвердительно; 34,4% указали, что такой опыт присутствовал эпизодически; 18,9% сообщили о его фактическом отсутствии. При этом среди респондентов, регулярно соприкасавшихся в семье с национальной музыкальной культурой, 61,2% проявляют устойчивый интерес к отечественным исполнителям и композициям, содержащим этнокультурные элементы. В группе респондентов, не имевших

подобного опыта, данный показатель составил 29,4%. Такие данные свидетельствуют о значимой роли семьи как канала первичной музыкальной социализации. При этом, рассматривая результат с культурологической позиции, можно предположить: семья выступает не столько транслятором конкретных музыкальных произведений, сколько агентом культурного бессознательного – той инстанции, которая формирует перцептивные фильтры, эмоциональные коды и критерии эстетической близости. П. Бурдьё в своей теории культурного воспроизводства показал, что семейная социализация задает *габитус* (*habitus*) – систему глубоко интернализованных схем восприятия, оценки и действия, которые впоследствии работают как внутренняя навигация в культурном пространстве. В данном случае семейное знакомство с национальной музыкой создает тот самый «слуховой габитус»: народная песня, услышанная в детстве от бабушки, или пластинка с романсами, которую включали родители, формируют не столько знание, сколько телесно-эмоциональную память. Эта память в дальнейшем может быть реактивирована даже в самых современных музыкальных форматах – от этно-электроники до фолк-рэпа. Таким образом, семья действует как механизм культурной инерции [Нагорнова А.Ю., Данилова Е.А., Салихова, 2020, с. 5-13], который не столько запрещает или предписывает, сколько незаметно настраивает слушателя на определенную «волну» культурной близости.

Так же, результаты исследования показали влияние *образовательной и культурной среды*: 52,4% опрошенных отметили, что знакомство с народной, классической или национальной эстрадной музыкой происходило в рамках школы, музыкального образования, участия в культурных мероприятиях или через деятельность учреждений культуры. Эти данные подтверждают идею о важности существования институционализированной традиции [Мельникова, 2016; Ильницкая, 2018]. Однако культурологически важно различать два типа трансляции: живую (через семью, неформальные сообщества, локальные праздники) и музейную (через уроки музыки, концерты в филармонии, фольклорные кружки). Школьное знакомство с народной или классической музыкой часто происходит в режиме «культурной обязанности» – когда традиция подается как застывший канон, оторванный от актуального контекста. И, тем не менее, даже такая формализованная трансляция оказывает эффект: она создает словарь узнавания. Молодой человек, который в школе слышал наигрыши балалайки или тему из оперы «Князь Игорь», спустя годы, встретив похожий звукоряд в треке современного исполнителя, испытывает не просто узнавание, а культурную радость от сопричастности. Образовательная среда, таким образом, работает не как прямой диктат вкусов, а как поставщик культурных единиц, которые затем могут быть присвоены, переосмыслены и интегрированы в молодежные субкультурные практики. Это напоминает механизмы, описанные Я. Ассманом в теории культурной памяти: институции фиксируют и сохраняют «тексты» традиции, но актуализируются они только тогда, когда находят отклик в актуальных формах жизни сообщества.

Вместе с тем исследование показало, что национальная культура сохраняет значимое влияние на музыкальные предпочтения молодежи, прежде всего, через *язык музыкального произведения*. 58,1% респондентов отметили, что музыка на родном языке воспринимается ими как более эмоционально близкая и содержательно понятная. Еще 24,2% указали, что языковой фактор является для них вторичным, однако они склонны выбирать композиции на родном языке. Только 17,7% опрошенных сообщили, что язык не оказывает существенного влияния на их музыкальный выбор.

Из приведенных выше результатов можно предположить, что музыка, связанная с родной культурой и языковой средой, воспринимается как более эмоционально прозрачная, поскольку

слушатель опирается на усвоенные в процессе социализации культурные и музыкально-языковые паттерны. При этом полученные результаты – прямое эмпирическое свидетельство действия того, что в культурной антропологии называют «нативизацией смысла» (от англ. Native – «родной», «врожденный») – это термин, обозначающий процесс, при котором информация, текст, музыкальное произведение или любой культурный артефакт воспринимается, переживается и осмысливается как «свой», «родной», естественный и глубоко понятный без дополнительного перевода или расшифровки. Язык здесь выступает не просто как инструмент коммуникации, а как носитель особого культурного кода [Мельникова, 2009; Парыгин, Мельникова, 2012]. Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа (в ее мягкой версии), родной язык структурирует не только мышление, но и эмоциональный опыт [Горшкова, Мельникова, 2014; Захваткин, Темникова, 2023]. В музыке эта глубинная связь усиливается: фонетика, ритмика, интонационный строй родного языка – даже в бессмысленных вокализах или рэп-речитативах – резонируют с теми просодическими паттернами, которые усвоены с младенчества. Кроме того, родной язык дает доступ к культурным коннотациям – тем слоям значений, которые невозможно перевести без потерь [Мельникова, Куц, 2014]. Фразеологизмы, отсылки к общим текстам (от колыбельных до киноцитат), игра слов – всё это создает плотную ткань интертекстуальности, доступную только «своим». 17,7% опрошенных, для которых язык не имеет значения, могут рассматриваться как носители транскультурной чувствительности – феномена, характерного для глобализированных элит или для тех, чья культурная идентичность сформирована преимущественно интернетом и англоязычными медиа. Однако даже в этой группе, вероятно, действуют невербализуемые языковые предпочтения, просто они не рефлексированы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о восприятии молодежью современных музыкальных произведений, в которых используются *элементы национальной культуры*. Согласно результатам опроса, 63,7 % респондентов положительно относятся к включению в современную музыку народных инструментов, этнических мотивов, национального языка и фольклорных образов, 21,8% выразили нейтральную позицию, и только 14,5% указали, что подобные элементы не представляют для них интереса. Можно предположить: современная музыка с элементами народной культуры может нравиться молодежи потому, что объединяет привычные формы массовой музыки с символами культурной идентичности [Рой, 2025]. Данное сочетание дает одновременно эффект новизны, аутентичности и принадлежности, позволяя молодым слушателям переживать связь с традицией без ухода от современной эстетики. Здесь культурологическая интерпретация может отталкиваться от концепции «изобретения традиции» (Эрик Хобсбаум) и «постфольклора». В отличие от архаического фольклора, который был встроен в ритуальный и трудовой быт, современное обращение к этническим элементам носит знаковый, стилизационный характер. Молодежь выбирает не буквальное воспроизведение народной песни, а её цитацию – фрагмент наигрыша на гусях в электронном треке, тембр варгана в поп-балладе, орнаментальную вязь вокала, напоминающую обрядовое пение. Этот феномен можно назвать «этническим семплированием» (от англ. Sampling – «взятие образца»). Он работает потому, что решает сразу несколько культурных задач: во-первых, обеспечивает эффект аутентичности – ощущение глубины, корней, неподдельности, дефицит которых остро ощущается в стерильном цифровом мире. Во-вторых, он дает эффект новизны через неожиданные комбинации («балалайка на рейве»). В-третьих, он выполняет идентификационную функцию: слушая такую музыку, молодой человек переживает себя одновременно и современным, глобальным субъектом, и носителем локальной, уникальной

традиции. Это напоминает то, что эклектика постмодерна, но с важным отличием: постмодернистская игра с цитатами часто была ироничной [Богомолова Е.И., Левкович, 2020] и децентрированной, тогда как здесь проявляется мета-модернистский поиск укорененности. Молодежь не просто коллекционирует культурные осколки – она собирает из них новый миф о себе, где традиция перестает быть грузом прошлого и становится ресурсом для творчества.

Из результатов выше складывается вывод что, молодёжь имеет достаточно большой интерес к отечественной музыке, но следующий вопрос исследования обнаружил парадокс. На вопрос о том, какую, отечественную или зарубежную музыку, слушает молодёжь, ответы распределились следующим образом: 64,5% респондентов указали, что регулярно слушают как зарубежную, так и отечественную музыку, при этом 22,6% опрошенных отдают предпочтение преимущественно зарубежным исполнителям, и лишь 12,9% ориентируются преимущественно на национальный музыкальный контент. Данные указывают на формирование гибридной модели музыкального потребления, которую можно описать через концепцию «глокализации» (Роланд Робертсон). Молодой человек не выбирает между «русским» и «западным» как взаимоисключающими полюсами [Smolina, Melnikova, 2017]. Вместо этого он функционирует в мультикультурном музыкальном пространстве, где английский язык стал не столько «чужим», сколько нейтральным глобальным посредником (подобно тому, какой была латынь в средневековой Европе). Зарубежная музыка доминирует не потому, что она «лучше» в эстетическом смысле, а потому что она эффективнее встроена в инфраструктуру повседневности: алгоритмы Spotify и YouTube Music, тренды TikTok, playlists Apple Music – всё это создает архитектуру внимания, где западные хиты имеют перевес. Это напоминает концепцию «структурного насилия» в культуре: неравенство здесь не результат заговора, а эффект кумулятивных преимуществ, накопленных глобальной индустрией за десятилетия. Однако национальная культура не исчезает в этой ситуации – она меняет форму своего присутствия. Традиционные жанры (например, русский романс или частушка) могут терять популярность, но национальные элементы мигрируют в те самые глобальные жанры, которые слушает молодёжь. Современный российский хип-хоп, инди-поп или альтернативный рэп – это арены, где происходит «приватизация» глобальных форм через наполнение их национальным содержанием. Исполнитель может читать речитатив в стиле рэп, но использовать ударения и рифмы, невозможные в английском, вплетать в бит звуки колоколов или семплы советских песен, текстовать о локальных реалиях (от подъезда в спальном районе до образа «русской тоски»). Таким образом, молодёжь, потребляя в целом глобальный музыкальный продукт, в точке конкретного выбора может отдавать предпочтение локализованным версиям глобальных жанров [Немова, Свадьбина, 2020].

Заключение

В условиях современной глобализации и цифровизации национальная культура не противопоставляется глобальной как архаика – современности или как «своё» – «импортированному». Вместо этого формируется сложная, многослойная система культурной навигации, где национальные элементы функционируют как «культурные якоря» – точки эмоциональной и семантической устойчивости в океане глобального контента. Культурными детерминантами этого влияния выступают: 1) инкорпорированная традиция (семейный габитус), работающая на дорефлексивном уровне; 2) языковой модус, определяющий пороги эмоциональной прозрачности и идентификации; 3) институционализированная память

(образование, музеи), поставляющая культурные единицы для дальнейшей актуализации; 4) этническое семплирование как практика современного творчества, при которой хорошо знакомый фрагмент мелодии оцифровывается и затем встраивается в новое музыкальное произведение – и таким образом происходит соединение элементов культуры прошлых поколений с современными массовыми жанрами. При этом итоговое культурное потребление молодежи имеет преимущественно гибридный характер: зарубежные форматы и инфраструктуры наполняются локальными смыслами и звучаниями, а национальная культура сохраняет влияние не в виде закрытого канона, а в виде открытого ресурса, который постоянно переосмысливается, ремикшируется и заново присваивается молодыми поколениями. Таким образом, глобализация не ведет к однозначной гомогенизации вкусов, а порождает новые формы культурной сложности, где именно способность гибко комбинировать глобальное и локальное становится главной компетенцией современного молодого слушателя.

Библиография

1. Богомолова Е.И., Левкович П.И. Связь музыкальных предпочтений молодежи со стилями юмора// Наука: комплексные проблемы. 2020. № 2(16). С. 32-36.
2. Захваткин А.В., Темникова Е.Ю. Музыкальные предпочтения молодежи как индикатор их психоэмоционального состояния// Ученые записки НТГСПИ. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 4. С. 84-93.
3. Горшкова В.В., Мельникова А.А. Педагогический потенциал русского языка// Педагогика. 2014. № 10. С. 35-39.
4. Горшкова В.В., Мельникова А.А. Современное российское общество как пространство конфликта// Конфликтология, 2018, т.13, №2. С. 81-93.
5. Ильницкая В.В. Музыкально-образовательная и музыкально-исполнительская деятельность как часть формирования музыкальной культуры молодежи// Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 212-221.
6. Мельникова А.А. Культурно-психологические коды ментальности России в контексте глобализации и задач образования// Проблемы психолого-педагогической работы с молодежью в поликультурной среде современного образовательного учреждения. СПб:Ниц Арт.,2016. С. 111-115.
7. Мельникова А.А., Куц В.А. Педагогика русского языка и глубинные основания культуры (активизация традиционно-культурных форм в контексте цивилизационной динамики)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4-2 (42). С. 128 – 131.
8. Мельникова А.А. Русская ментальность в структуре языка: отражение базовых смыслов/ Вопросы культурологи.2009. №9. С. 13-15.
9. Нагорнова А.Ю., Данилова Е.А., Салихова А.А. [и др.]. Современная социология семьи: проблемы и их решения. - Ульяновск: Зебра, 2020. - 101 с.
10. Назаренко Л.А. История музыкальной моды и ее влияние на молодежь// Общество: философия, история, культура. 2025. № 6(134). С. 255-259.
11. Немова О.А., Свадьбина Т.В. Музыкальные предпочтения современной молодежи// Манускрипт. 2020. Т. 13. № 5. С. 176-180.
12. Парыгин Б.Д., Мельникова А.А. Интегральная гуманитарная теория: концептуализация соединения психологии с культурологией, философией, социологией и лингвистикой// Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т.5. №2. С. 5-14
13. Рой О.М. Влияние музыкальных предпочтений на социальную идентичность российской молодежи// Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. Т. 10 № 4 (38). С. 534-543.
14. Третьяков В.В., Ефтеев И.А. О музыкальных предпочтениях молодежи// Культура. Наука. Образование. 2022. № 1 (62). С. 138-145.
15. Христидис Т.В., Шахназарян Р.Э. Формирование музыкальной культуры у студенческой молодежи: от теории к практике// Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2024. № 1 (72). С. 198-207.
16. Smolina T.L., Melnikova A.A. How Russians View Themselves: Psychological Study of National Auto-Stereotypes // Психология и Психотехника. 2017. № 4. С. 15 - 22.

Cultural Determinants of Musical Preferences of Modern Russian Youth in the Context of Globalization

Vladimir D. Yuranev

Postgraduate Student,
Department of Philosophy and Culturology,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: vova.yuranev@mail.ru

Abstract

The article investigates the cultural determinants of the musical preferences of Russian youth (18–25 years old) in the context of globalization. Based on a survey (N=248) and interviews, the role of language, family socialization, education, and practices of ethnic musical and folklore representation in structuring musical choice is analyzed. It has been established that 58.1% of respondents perceive music in their native language as emotionally closer (the mechanism of meaning nativization); family experience of acquaintance with the national tradition increases interest in domestic music from 29.4% to 61.2%; 63.7% have a positive attitude towards the inclusion of ethnic elements in modern genres. At the same time, 64.5% listen to both foreign and domestic music, which indicates a hybrid consumption model. The conclusion of the article: the cultural determinants that determine the musical preferences of modern youth are the mechanisms of sampling, linguistic proximity, and family habitus (patterns of perception rooted in culture). Globalization leads not to the displacement of tradition, but to its reassembly in relevant musical formats.

For citation

Yuranev V.D. (2026) Kul'turnye determinanty muzykal'nykh predpochteniy sovremennoy rossiyskoy molodezhi v usloviyakh globalizatsii [Cultural Determinants of Musical Preferences of Modern Russian Youth in the Context of Globalization]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (6A), pp. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2026.39.41.005

Keywords

Cultural determinants, musical preferences, Russian youth, globalization, national culture, transformation of tradition, cultural memory.

References

1. Bogomolova E.I., Levkovich P.I. Sviaz' muzykal'nykh predpochtenii molodezhi so stiliami yumora [The relationship between young people's musical preferences and humor styles] // Nauka: kompleksnye problemy (Science: complex problems). 2020. No. 2(16). P. 32–36.
2. Zakhvatkin A.V., Temnikova E.Yu. Muzykal'nye predpochteniya molodezhi kak indikator ikh psihoemotsional'nogo sostoyaniya [Musical preferences of youth as an indicator of their psycho-emotional state] // Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: Pedagogika i psikhologiya (Scientific Notes of NTGSPi. Series: Pedagogy and Psychology). 2023. No. 4. P. 84–93.
3. Gorshkova V.V., Mel'nikova A.A. Pedagogicheskii potentsial russkogo yazyka [Pedagogical potential of the Russian language] // Pedagogika (Pedagogy). 2014. No. 10. P. 35–39.

4. Gorshkova V.V., Mel'nikova A.A. Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo kak prostranstvo konflikta [Modern Russian society as a space of conflict] // *Konfliktologiya* (Conflictology). 2018. Vol. 13, No. 2. P. 81–93.
5. Il'nitskaya V.V. Muzykal'no-obrazovatel'naya i muzykal'no-iskusstvennaya deyatel'nost' kak chast' formirovaniya muzykal'noi kul'tury molodezhi [Musical educational and performing activity as part of the formation of youth musical culture] // *Kul'tura i tsivilizatsiya* (Culture and Civilization). 2018. Vol. 8. No. 6A. P. 212–221.
6. Mel'nikova A.A. Kul'turno-psikhologicheskie kody mental'nosti Rossii v kontekste globalizatsii i zadach obrazovaniya [Cultural and psychological codes of Russian mentality in the context of globalization and educational tasks] // *Problemy psikhologo-pedagogicheskoi raboty s molodezh'yu v polikul'turnoi srede sovremennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* [Problems of psychological and pedagogical work with youth in the multicultural environment of a modern educational institution]. SPb.: Nits Art, 2016. P. 111–115.
7. Mel'nikova A.A., Kuts V.A. Pedagogika russkogo yazyka i glubinnye osnovaniya kul'tury (aktivizatsiya traditsionno-kul'turnykh form v kontekste tsivilizatsionnoi dinamiki) [Pedagogy of the Russian language and the deep foundations of culture: activation of traditional cultural forms in the context of civilizational dynamics] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2014. No. 4-2 (42). P. 128–131.
8. Mel'nikova A.A. Russkaya mental'nost' v strukture yazyka: otrazhenie bazovykh smyslov [Russian mentality in the structure of language: reflection of basic meanings] // *Voprosy kul'turologii* (Questions of Cultural Studies). 2009. No. 9. P. 13–15.
9. Nagomova A.Yu., Danilova E.A., Salikhova A.A. [et al.]. Sovremennaya sotsiologiya sem'i: problemy i ikh resheniya [Modern sociology of the family: problems and their solutions]. Ulyanovsk: Zebra, 2020. 101 p.
10. Nazarenko L.A. Istoriya muzykal'noi mody i ee vliyaniye na molodezh' [History of musical fashion and its influence on youth] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* (Society: Philosophy, History, Culture). 2025. No. 6(134). P. 255–259.
11. Nemova O.A., Svad'bina T.V. Muzykal'nye predpochteniya sovremennoi molodezhi [Musical preferences of modern youth] // *Manuskript* (Manuscript). 2020. Vol. 13. No. 5. P. 176–180.
12. Parygin B.D., Mel'nikova A.A. Integral'naya gumanitarnaya teoriya: kontseptualizatsiya soedineniya psikhologii s kul'turologiei, filosofiei, sotsiologiei i lingvistikei [Integral humanitarian theory: conceptualization of the connection of psychology with cultural studies, philosophy, sociology and linguistics] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* (Bulletin of Pushkin Leningrad State University). 2012. Vol. 5. No. 2. P. 5–14.
13. Roi O.M. Vliyaniye muzykal'nykh predpochtenii na sotsial'nuyu identichnost' rossiiskoi molodezhi [The influence of musical preferences on the social identity of Russian youth] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* (Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences). 2025. Vol. 10. No. 4(38). P. 534–543.
14. Tret'yakov V.V., Efteev I.A. O muzykal'nykh predpochteniyakh molodezhi [On the musical preferences of youth] // *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie* (Culture. Science. Education). 2022. No. 1(62). P. 138–145.
15. Khristidis T.V., Shakhnazaryan R.E. Formirovaniye muzykal'noi kul'tury u studencheskoi molodezhi: ot teorii k praktike [Formation of musical culture among student youth: from theory to practice] // *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* (New in Psychological and Pedagogical Research). 2024. No. 1(72). P. 198–207.
16. Smolina T.L., Melnikova A.A. How Russians View Themselves: Psychological Study of National Auto-Stereotypes // *Psikhologiya i Psikhotekhnika* (Psychology and Psychotechnics). 2017. No. 4. P. 15–22.